

У истоков

С начальником «припятского бронепоезда», ветераном Чернобыльской АЭС, участником ликвидации последствий аварии на четвертом энергоблоке станции, а сегодня жителем Славутича Валентином Коренским знакомство состоялось на торжественном собрании, посвященном Дню участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной станции.

Меня заинтересовало упоминание о каком-то специальном поезде, о котором обмолвился почетный мэр Славутича Владимир Удовиченко в разговоре с Валентином Коренским и городским председателем Юрием Фомичевым, когда проходило возложение цветов к Памятному знаку Героям Чернобыля. После минуты молчания и возложение цветов участниками тожественного собрания и состоялась наша беседа с Валентином Коренским. Он начал первым:

– А ведь мы с Валерием Ходемчуком вместе приехали на строительство Чернобыльской атомной станции... В 1971 году после окончания Одесского политехнического института по специальности «Атомные электростанции и установки» меня как молодого специалиста направили по распределению на строящуюся Чернобыльскую АЭС в трест «Южтеплоэнергоустановка», который занимался монтажом всего технологического оборудования атомной станции (в этом тресте я проработал до аварии на четвертом энергоблоке и прошел путь от мастера до начальника цеха). Город и станция еще только начинали строиться. Для работы мы установили две большие военные палатки с многослойными стенками, положили деревянные полы, установили буржуйки – в общем, приготовились к работе в зимних полевых условиях, ведь уже была осень. Вот так началась моя работа на Чернобыльской атомной станции.

– Валерий Сергеевич, а что это за история со специальным поездом, чуть ли не бронепоездом?

Валерий Сергеевич, улыбнувшись, рассказал о том, что было на самом деле:

– Все работы и на станции, и в городе были на начальной стадии. Для строительства панельных домов нужны были панели, а ДСК (домостроительному комбинату) для производства панелей необходим был пар в больших объемах. Решение задачи нашли в покупке у Министерства обороны (возможно, и не купили, а просто взяли в эксплуатацию) энергопоезда. Он представлял собой целый состав, в состав которого входили котлаогонны, химводоочистка, подготовка

воды и были все условия для получения пара. На этом поезде работали все братья Ходемчуки машинами котлаогонны. Этот поезд подавал пар и на бетонный, и на расстановный узлы, то есть во все точки, в которых нуждались в паре. В этот период я и подружился с Валерием Ходемчуком. Он меня привлекал своей серьезностью, какой-то целенаправленностью и деловитостью. Он был очень ответственным и высокопрофессиональным человеком. С ним можно было что-то обсудить, посоветоваться. Если вообще говорить о периоде строительства станции и города, то мне тогда казалось, что все идет неимоверно быстро, хотя сегодня говорят о том, что были задержки в строительстве, что были некачественно выполненные некоторые работы. Я в это не очень верю. А вот о скорости строительства и города, и станции я говорю, исходя из собственных ощущений. Мне моя работа по монтажу очень нравилась, поэтому я не уходил в длительные отпуска, но и после возвращения из двухнедельного отпуска я сразу замечал постройку нового объекта, выполненные технологические работы на станции, монтаж нового оборудования. Простой пример, который говорит о скорости стройки: в течение недели возводился дом. Немалую роль в этом играли люди. Непререкаемый авторитетом и уважением пользовался на строительстве ее начальник Василий Трофимович Кизима. Вспоминаю такой случай. Было раннее утро, вышел я на балкон часов в полшестого утра, чтобы перекурить, и увидел такую картину: к стоящему грузовому автомобилю МАЗ с работающим мотором подходит Василий Трофимович, а водителя нет на месте, ушел куда-то по своим делам. Начальник строительства дождался прихода водителя и «только» и сказал ему: «А автомобиль уже должен раствор на стройку возить» и пошел на работу. А происходило все это в полшестого утра. А о качестве строительных конструкций и качестве самого бетона, который был использован в этих конструкциях, говорит тот факт, что ученые и инженеры Института им. Курчатова, проводившие уже после произошедшей аварии контрольные исследования конструкций реакторного цеха на Чернобыльской и других подобных атомных станциях, отмети-

ли, что самый качественный бетон у нас.

– А где вы встретили 26 апреля 1986 года, что запомнилось в первые часы после аварии на четвертом энергоблоке атомной станции?

Валерий Сергеевич с грустью посмотрел на портреты своих товарищей, отдавших жизнь в первые дни борьбы с последствиями аварии, и продолжил свой рассказ:

– Это было под выходной день, но я готовился утром 26 апреля выйти на работу, так как мы (а я уже работал начальником производства Чернобыльского монтажного управления) готовились к монтажу тяжелых конструкций будущего 5-го энергоблока. Такие работы мы обычно планировали на выходные или ночью. Утром я собрался на работу и пошел пешком к мосту через железнодорожные пути. Ночью никакой особой тревоги у меня не было, только удивили частые звуки сирен скорой помощи, а когда я подошел к мосту, меня остановили и дальше не пустили. Мой заместитель, который тоже подошел в это время, сказал мне, что ему позвонил товарищ и сказал, что на станции взорвался четвертый реактор. В первое мгновение я даже не поверил: «А знаешь, какая сейчас должна быть радиация?», он не ответил. Мы пытались рассмотреть станцию издалека, но был виден только дым. Так как нас не пустили, я вернулся домой, а жил я уже в девятиэтажке на Курчатова 20, получил новую квартиру, так как в моей семье появился еще один ребенок. Во дворе ребят я спросил, где мои дети. Мне ответили, что они пошли на девятый этаж смотреть. Незадолго до трагедии я подарил детям подзорную трубу, с которой они и пошли смотреть на станцию. Поднявшись на девятый этаж, я не увидел знакомый силуэт шатра четвертого энергоблока, а только столб дыма и пара. Я быстро отправил детей домой, а сам, спускаясь с верхнего этажа, предупреждал всех соседей, чтобы закрывали окна и форточки. Один из соседей был начальником отдела по технике безопасности на ЧАЭС, а его жена работала детским врачом. Они и дали мне специальные таблетки, чтобы я помогал раздавать соседям. Я решил уточнить обстановку, благо рядом было отделение милиции, но когда подошел туда, встретил военного в генеральской форме и солдат. Я сказал, что надо хочь детей вывозить из города, а генерал успокоил и сказал, что эти вопросы сейчас в стадии решения. Я попытался пройти к своему гаражу, но и туда меня не пустили, правда, спустя некоторое время поступила информация об эвакуации населения. Так я с семьей попал в Одессу, к теще.

Разместив жену и детей, я вернулся на станцию. В первых числах мая мы оборудовали нашу базу в недостроенном пионерском лагере около села Ковшиловка: помывочное помещение, спальные помещения с кроватями, нам доставили необходимые продукты для питания – было всё. Работа у нас была, конечно, сложной, тяжелой и опасной. О том, как было трудно и опасно, уже много показано и написано, но несколько фактов все же напомним. Нашим ребятам пришлось устанавливать первые четыре «чемодана» – это такие большие блоки в основе Саркофага, а радиоактивность на почве доходила до 400 рентген. Я часто вспоминаю сварщика Михаила Ливинского, который работал в таких условиях. Он проработал всего несколько дней, а потом заболел. Его уже нет с нами, но память о его героической и самоотверженной работе всегда в моем сердце. Мы помогали работникам УС-605, которые заливали бетон в конструкции Саркофага с ремонтом железных бетонопроводов в случае «закозления», года бетон застывал в системе. До конца мая 1986 года мы работали непрерывно, потом пришел вахтовый метод работы. Многие стали уезжать на отдых, после первой вахты я хотел немного отдохнуть, потому что очень устал и физически, и психологически, ведь приходилось вставать в 6, на БТРе с двумя пересадками и переодеваниями добираться на станцию, вечером так же обратно и отбой получался в час ночи. Меня вызвал начальник треста и попросил остаться, так как некому было руководить работами, то есть не было человека, который был бы знаком со всеми выполняемыми работами. Я был молод, уверен в своих силах, и я согласился. Так я проработал четыре месяца без отдыха. В августе я просто подошел к своему начальнику и попросил дать мне несколько дней отпуска, так как накопилась огромная усталость, да и радиация получилась достаточной. Так я получил отдых на две недели. Я уехал к родителям, где почти всё это время проспал. Восстановления прошло, как

я считаю, успешно, и я вернулся к исполнению своих обязанностей. Проработал я еще два месяца, и меня решили окончательно вывести из зоны повышенного радиоактивного излучения, так как у меня уже было 25 рентген. Меня направили на Ровенскую АЭС. Не успел я приехать туда и получить должность начальника цеха, как пришла телеграмма с красной полосой – направить 200 человек на Чернобыльскую АЭС. И таким образом в 1986 году мне еще пришлось поработать на станции с 7 ноября по 11 декабря, а потом я вернулся на Ровенскую АЭС.

– А когда вы вернулись на Чернобыльскую атомную электростанцию?

– Я душой всё время был с Чернобыльской станцией, я не мог забыть место, где я начинал свою трудовую деятельность, вспоминал Припять – и от всего этого мне было не совсем комфортно работать на Ровенской АЭС. Однажды приехав в Ирпень, где в те годы размещалось большинство припятских организаций, за какими-то документами, я встретил Ивана Николаевича Царенко, который тогда работал заместителем директора ЧАЭС по кадрам, и Василий Иванович Гундаря. В разговоре с ними я и высказал желание вернуться работать на Чернобыльскую станцию. Через некоторое время я получил приглашение на работу и вернулся сюда. Меня сначала взяли начальником участка по ремонту оборудования, потом меня назначили замначальника цеха по ремонту, а когда станцию остановили, я стал заместителем начальника цеха по обращению с твердыми радиоактивными отходами, позже стал руководителем комплекса по переработке твердых радиоактивных отходов, а потом вышел на пенсию.

Я благодарю Валентина Сергеевича за рассказ, а он в свою очередь просит передать всем работникам и ветеранам Чернобыльской атомной станции поздравления с приближающимся профессиональным праздником – Днем энергетика.

Николай БЕРЁЗКИН